

Андрей ПАНИН: ЛЮБЛЮ УМИРАТЬ

Андрей Панин – человек странный. Смешной, отпугивающий и обаятельный одновременно. Он поджидал нас возле МХАТа имени Чехова – в зеленом зимнем пальто, серой кепочке, надвинутой на глаза, с громадным серым шарфом и серой же сумкой. «Куда пойдем-то?» – спросил Панин, подрагивая от холода. «Может, к нам в редакцию?» – предложила я. «Валяйте!» – кивнул он и начал забавно позировать фотографу. Пока шли до редакции, успели натолкнуться на поклонницу таланта Андрея Владимировича. Колоритная дама в шубе, с покрашенными в розовый цвет волосами заметила кумира в толпе и жеманно изрекла: «Любимые мужчины идут! Обожаю!». «Спасибо, спасибо, – растерянно улыбнулся Панин и добавил весело: – Мальвины с розовыми волосами приветствуют... М-да. Надвигай кепку – не надвигай...». Потом Андрей Владимирович довольно долго беседовал с кем-то по мобильному и все настаивал на том, чтобы в очередном фильме его загримировали: «Я вот тут подумал... А что если мне там усы сделать, в черный цвет покрасить, лысину убрать, а?». Андрей Владимирович известен своей любовью к гриму.

– Откуда такие темпы – за три года почти полтора десятка ролей?

– Полтора десятка насчитала? Наверное, побольше – два с половиной. Если взять ту же «Бригаду» пресловутую, то, на самом деле, работа была начата два с половиной года назад. С тех пор два с половиной десятка ролей получится, не меньше. А чего, я легко с работой справляюсь. У меня был период где-то с неделю, когда я имел по три съемочных дня в одни сутки. Меня перевозили с места на место в машине, а я тем временем спал. Могу спать примерно полтора часа. Правда, тогда все осложнялось еще и температурой – 38,3. А меня как раз через дом провозили. Я думаю, чего раздеваться-то, лег под одеяло, (смеется) попотел маленько, пришел в себя и дальше поехал. Так и лечился – в дороге. А мне что? Работа как таковая не составляет большого труда. Раздражает все то, что вокруг работы.

– Всекие организационные мелочи?

– Организационные гадости, я бы сказал.

– Перевоплощаться труда тоже не составляет?

– Да тут такой момент... В принципе, на кинематографическом языке диапазон этих перевоплощений. Было бы три спектакля в день: один – Шекспир, другой – Достоевский, третий – Пушкин – это одно, это практически невозможно. А здесь гораздо легче. На пять минут собраться – это не на два часа. В этом смысле довольно серьезная школа была в театре. Грибов еще говорил: в кино мы приносим то, что нарабатывали на сцене. За двадцать лет накопилось такое количество штампов, что я могу собирать любые роли, как «Лего». Достоевских ведь не предлагают, как правило. Поэтому не так сложно.

– А почему до того вас не было видно?

– Знаешь, есть некая... Как это назвать-то, чтобы не обидно было? Косность мышления. Я вот сам имею первое режиссерское

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПАНИН

родился 28 мая 1962 года в Новосибирске. Когда Андрею было шесть лет, семья переехала в Кемерово. Там же он учился в Институте культуры и... чуть было не закончил пищевой институт. Некоторое время проработал в Минусинском театре. Потом четыре года пытался поступить в театральные вузы Москвы. В 1991 году окончил-таки Школу-студию МХАТ, мастерскую Александра Калягина. Работать направили в МХАТ имени А.П. Чехова. Женат на актрисе МХАТа Наталье Рогожкиной. Среди его сценических работ – «Три сестры» (Соленый), «Скупой рыцарь», «Женитьба», «Смертельный номер», «Академия смеха». Занят в спектаклях театра под руководством Олега Табакова. Одну из первых ролей в кино сыграл в фильме «По прямой». Затем были «Мама, не горюй» Максима Пежемского, «Мама» Дениса Евстигнеева. Популярности Панина способствовал также успех телесериала «Каменская». В 2000 году сыграл в фильмах «Свадьба» Павла Лугова и «Женщин обижать не рекомендуется» Валерия Ахадова, а также в боевике Александра Атанесяна «24 часа». Заслуженный артист РФ. Получил приз за лучшую мужскую роль второго плана на фестивале «Золотой Овен» (фильм «Свадьба»).

кое образование. Кого ты берешь на роль? Читаешь сценарий и начинаешь мыслить чем-то вроде клише. Этот Делон, этот Де-пардьё, тот Малкович, та Мелани Гриффит... Пытаешься искать из тех, кого знаешь. А знать-то можешь и немногих. Я не подпадал ни под один типаж: довольно скользкая внешность, при этом (короче-жи) меняюсь все время – не понять, кто я такой есть. Я знаю людей гораздо талантливее меня, которые так и остались в тени. Дело тут еще и в определенном каком-то жлобстве режиссеров, которые зачастую говорят (гундоса и изображая высокомерие): «Я в театр не хожу, не люблю». Так принято, и бороться с этой системой уже невозможно.

– Как же вы пробивались? Видимо, получили выигрышную роль, после которой попали в тот самый набор типажей?

– (Мотая головой) Неправда. Все не так. Дело в том, что мне вообще ничего не давалось легко – я к этому привык довольно давно. Главное – сделать все, что могу. Дальше – судьба. Так что я признания режиссеров добивался долго. Ну вы посчитайте: первый фильм был снят лет пятнадцать назад. Картина «По прямой». Она не пошла. Был период такой, значит. Так что всегда нужно оказаться с нужными людьми в нужное место в нужное время.

– А у вас «нужное место» – это какой фильм или сериал?

– У меня нет его, конкретного фильма. На самом деле это была борьба по очкам. Я просто очень долгое время набирал количество очков. Кому-то нравится «Мама, не горюй», кому-то «24 часа», кому-то «Мама».

– Режиссер «24 часов» Александр Атанесян называл вашу работу ювелирной.

– Да, я вот сейчас с ним как раз по телефону разговаривал – он попал в аварию. Атанесян крестный моего сына, а в каком-то смысле и мой крестный. Потому что одним из первых дал мне большую роль. И в течение фильма расширял ее. Совершенно случайно увидел где-то мою фотографию, позвал на пробы и сразу вот так доверил огромный объем работы. Так что там нужно было постараться.

– Compliments способны вскружить голову?

– Конечно, в каком-то смысле. Но мне-то поздно возноситься. Я уже сколько... двадцать лет занимаюсь этим бизнесом... (хрюкает) Я вас умоляю!

«В сериале «Бригада» играю злодея. А кто там хороший?»

— Неужели и приступов звездной болезни не бывало?

— А как вы ее определяете?

— Излишнее самолюбие, концентрация на своей персоне...

— Нет, проявляется она как, меня интересует?

— Гонор, капризность.

— Что называть капризом, понимаешь. Вот возьмем съемочную площадку. Тебя не так постригли, тебе принесли не тот костюм, не сказали, что будешь сниматься на улице, и текст переписали... Если против этого восставать, это каприз?

— Нет.

— Вот. А с точки зрения организаторов съемок, каприз. «Ну не было у нас офиса, не было. Да, на улице». — «Что же, я теперь должен в трусах на улице сниматься?» — «О, капризничать начинаем, батенька»... Вот вам и звездная болезнь. Нет, отрывает, конечно, крышу у людей, но это смотря у кого. Некоторым, наверное, можно и позволить. Герман, допустим, известен своими закидонами. Урод? Урод. Но фильмы-то гениальные. Думаю, ему можно простить.

Есть ли у меня звездная болезнь — не знаю. Когда человек появляется часто на экране, от него начинают этого ждать. Был период, когда меня буквально разрывали на части. И один очень известный актер говорил мне: «О, смотри, как тебя все полюбили. Теперь жди — скоро ненавидеть начнут». Но и этот период прошел уже. И любил, и ненавидели. Только что от этого изменилось?

Нам приносят чай с булочками. Андрей Владимирович категорично отодвигает тарелку.

— Ой, нет, спасибо большое. Я сегодня... м. Сегодня у меня это... разгрузочный день.

— На диете сидите?

— Люблю все вредное. На здоровье такой образ жизни сильно сказывается. Возраст, к тому же... Так что раза три-четыре в год приходится себе устраивать вот такие чистки.

— Вы говорили, что больше любите маленькую сцену. А не тяжело от того, что зрители рядом и любые перепады настроения могут отражаться на лице?

— Я из такого театра вышел — студенческого. Из подвального помещения в хорошем смысле слова. Да и в прямом смысле тоже. Я учился в Кемерове, там раскопали обыкновенный подвал, оборудовали, и получился Земляной театр. Поэтому мне все это довольно близко. Может, даже ближе, чем большая сцена. Правда, потом я играл во МХАТе 10 лет. А там 1250 человек зрителей. Немаленькая, мягко говоря, площадка... Но ничего, нормально. Кричать только приходится, чтобы тебя на третьем ярусе услышали. Единственное, чего я не понимаю: человек, сидящий в третьем ярусе, что он там видит? Я проверял: где-то стадион, игроки бегают... Я даже не видел, разевает актер рот, не разевает. Можно фанерку подпустить немножко. Шучу!

— Коллеги отзываются как-то о вашей работе?

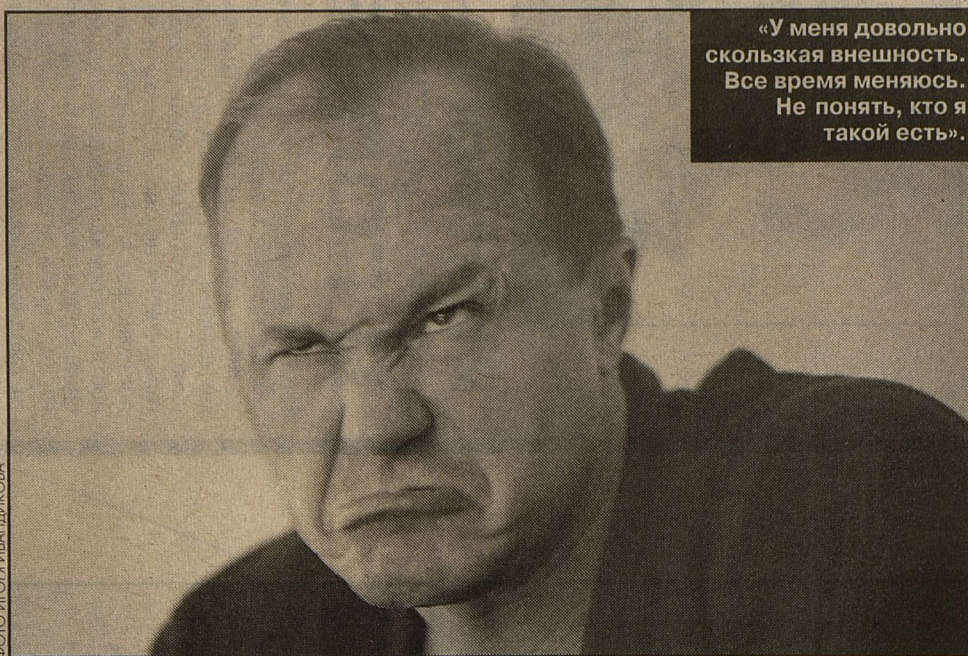
— Знаете... Тьфу-ты, это я на «вы»? В определенный момент понимаешь, что театр — вещь субъективная. Кому-то нравится одно, кому-то другое. Даже вещи, которые нравятся 99 процентам людей, все равно заставляют брезгливо поморщиться 1 процент. Сначала этого пугаешься, а потом постепенно начинаешь понимать, что единственная твоя система координат — это люди, которых ты уважаешь. Если они уловили, что ты хотел сделать, то это и есть высшая похвала — по гамбургскому счету.

— А вы сами актеров подначиваете?

— Знаете, иногда мне не нравится, что делает артист на сцене — это касается и драмы, и шоу-бизнеса, и ТВ, и кино. А когда в жизни сталкиваешься с этим человеком, то вдруг понимаешь, что сам по себе он привлекательный, теплый. Просто это его ниша, он пришел и занял. А ты его не понял, его творчество тебе не интересно. В этом смысле необычно повел себя Коля Фоменко, товарищ мой (надеюсь, я так могу сказать). Он приехал с последнего этого своего безобразия... Когда собирали там звездный состав. «Последний остров-2»... Как это?

— «Последний герой-3»?

— Во-во. Приехал, мы встретились. Он человек достаточно дерзкий, колючий и

«У меня довольно скользкая внешность. Все время меняюсь. Не понять, кто я такой есть».

всегда остро реагирует, когда что-то ему не нравится. На самом деле, теплый, пушистый и мягкий. Но к своим (смеется). Я ожидал, что он скажет что-то этакое про звезд. А он вместо этого поделился: «Знаешь, я понял вот что: кто, как, чего из них в жизни добился — неважно. Главное, они выживут везде. Это я понял точно. Люди с железной волей. Не просто так оказались там. Сильные духом, грубо говоря». Так что оценивать можно как угодно, сам по себе человек самобытен.

— Самая маленькая ваша роль за всю актерскую карьеру?

— В массовке, наверное. А так... О! (Смеется) Роли меньше, чем в «Изгое» с Томом Хэнксом, у меня нет. Эту сцену просто вырезали напрочь. Если некоторые актеры, гордо приводя родных в кинотеатр, еще могут сказать: «Не моргай, а то пропустишь», то здесь моргай — не моргай... А, еще у Тодоровского я где-то не появился.

— А в «Изгое» кого должны были сыграть?

— Да (махнув рукой) это самое... На Красной площади двое милиционеров разводят Хэнкса, забирают у него машину. В общем, ерунда какая-то. Русских они там представляют либо в виде Ивану-дурака, либо в виде эмигранта с Брайт-на. Я не вламывался ни в одни ворота. А вот с моей мордой лица можно было попасть либо на роли людей из силовых структур, то бишь люди в пальто — КГБ, КПСС — черт его знает, что такое, либо в милиционеры. Дурацкий принцип. Я даже набрался смелости и говорил это самому Земекису. Но... У них другая система. Такая, когда две трети пойдет в утиль, но хотя бы будет из чего вырезать. У нас-то (судорожно): «Все, входит в дубль, все

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

«После спектакля «Академия смеха» считаю Колю Фоменко своим другом».

нормально, хватит!» — главное, пленку не потратить лишнюю. Это «Кодак» же! А им все по барабану.

— А любимая роль?

— Я отвечу стандартно: не сыгранная.

— Но мечта есть?

— Я не понимаю, как можно мечтать. Если ты мечтаешь, то надо как-то двигаться, шипеть по этому поводу. А я сижу и жду, когда мимо меня проплывут головы моих врагов.

— Вы начали актерскую карьеру, как все, — с чтения стихов на стульчике перед гостями?

— Ну да... Только я сильно отличался в этом плане от других детей. Читал Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». (Смеется) Особенно нравился мне эпизод про «удар зубодробительный». Шок, конечно, вызывало: шкет начинает сатиру девятнадцатого века шарашить.

— Не обидно было в «Бригаде» играть злодея? Сериал популярный, всех героев народ полюбил, а вашего наоборот считают плохим...

— Честно говоря, я не думаю, что я запомнился там как непопулярный герой. И потом, назовите там хоть одного положительного? Я просто антагонист по жизни, так что это мне импонирует. Всегда не лидером пытаюсь стать, а конкуренцию составить. Человек делает что-нибудь хорошо, я тут же примеряюсь: «Ну-ка, ну-ка, дай-ка и я». А так, чтобы самому что-то делать — это никогда. Зависть это, ревность, чего-то еще... В общем, диссидент по жизни.

— Не боитесь злодеев играть?

— Что же бояться? У актеров другое суеверие есть — в гробу не сниматься.

— А этого боитесь?

— Не предлагали. Видел, правда, как предложение сыграть покойника было с негодованием отвергнуто одним из мэтров нашего кино. А мне нравится умирать на сцене. Как правило, у меня такие роли получаются. В этом что-то есть. Ты на глазах людей вышел и ушел, прожил еще одну жизнь как будто. Определенного рода реинкарнация.

— У вас есть представление об идеальном завершении карьеры?

— Не думаю, что в моей профессии это возможно вообще. Мое занятие — это построение воздушных замков на воздушном же песке. Они исчезают, и ничто их не держит. Остаются в памяти только великие уровни Чаплина. Не думаю, что буду упираться в этом до конца. Мне как-то становится скучновато. Если человек, которого четыре года не принимали в театральный институт, добился того, что ему предлагают преподавать в этом же институте, то в принципе дальше идут уже лишь количественные изменения.

— В актерской профессии считается, что для поддержания своей популярности нужно постоянно организовывать вокруг себя скандалы.

— Это не в актерской профессии, это в шоу-бизнесе.

— А вокруг вас были какие-нибудь сплетни?

— «Мегаполис-Экспресс» какой-нибудь уж точно успел написать. Только я газет не читаю и сериалов не смотрю.

— Курьезы в актерском жить-бытье часто случаются?

— Естественно. Как-то поехали на гастроли, так там все хорошо организовали, встречали везде с пиитетиком, все такое. И давай нас хвалить, тосты поднимать. Все так расслабились, что, когда отправились на вокзал, забыли декорации на фиг и двух человек. Потом стоп-кран держали, чтобы выехать из этого ближнего зарубежья. Те двое, когда прибежали, долго не могли понять, что от них хотят пограничники (отмахиваясь): «Да подожди ты!», пытались давать паспорта овчарке и вообще были жутко испуганные.

— Как считаете, у вас внешность яркая?

— Не-а.

— А какая?

— Никакая. В принципе, если вспомнить фотографии Михаила Чехова, то тоже не могу сказать, что это Лановой. Стало быть, можно прожить и так. Нормально!

Встречалась
Ника ДРАБКИНА